

Среди невинно убиенных поэтов XX века к ярким личностям относятся Николай Гумилёв (1885–1921) и Борис Корнилов (1907–1938). В судьбах этих русских поэтов, несмотря на их принадлежность к разным эстетическим направлениям, разным эпохам, границей между которыми стал 1917 год, совпадают не только насильственная смерть – расстрел по ложному обвинению, которое у обоих позже было снято, их имена реабилитированы и творчество вышло на читательские просторы, снискав любовь и даже поклонение их талантам. Но можно также отметить и параллели в их истоках и жизненной почве: у Гумилёва отец – врач, у Корнилова – учитель, у обоих родственники были репрессированы, у Гумилёва – сын Лев Николаевич, у Корнилова – родители и сёстры. Оба поэта имели поэтически одарённых жён: и Анна Ахматова, и Ольга Берггольц, превосходящие в известности своих избранников, с которыми были расторгнуты семейные узы, но не терялась с годами духовная связь.

Ольга Берггольц в письме матери поэта – Таисии Михайловне Корниловой – писала: «Я сохранила все книги Бори, и с помощью товарищей собрала всё, что было напечатано в газетах и журналах. Родная Таисия Михайловна, милая моя мать, мать первой моей любви, – обнимаю вас и плачу над Борисом вместе с вами, – ужасно, что всё так случилось, но чудесные стихи его живы и будут долго-долго жить, их будут знать, им будут радоваться сотни тысяч русских людей».

Также и для Ахматовой творчество Николая Гумилёва было Вселенной:

Вселенную перед собой, как бремя
Нетрудное в протянутой руке,
Как дальний свет на дальнем маяке,
Несу...

Много общего в судьбе жён поэтов.

Анна Ахматова в поэме «Реквием» вспоминала:

Показать бы тебе, насмешнице / И любимице всех друзей.
Царскосельской весёлой грешнице, / Что случится с жизнью твоей –
Как трёхсотая, с передачею. / Под Крестами будешь стоять
И своею слезою горячею / Новогодний лёд прожигать.
Там тюремный тополь качается. / И ни звука – а сколько там
Неповинных жизней кончается...

А Ольга Берггольц рассказывала, как моталась, билась её голова о края тележки, на которой её везли в тюремную больницу, как «она сказала вознице: – Смотри, смотри, как умирает враг народа, – а он ответил: – Да что ж мы не люди, что ли? – Смахнул слезу и повёз осмотрительно, довёз живой».

Позже она написала:

...Двух детей схоронила / Я на воле сама,
Третью дочь погубила / До рожденья – тюрьма...

«На всю оставшуюся жизнь»

У каждого из этих двух незаурядных поэтов, Гумилёва и Корнилова, творчество – это свидетельство русского человека о своей эпохе, отражение их живого микрокосмоса, вовлекающего читателя в свои нескончаемые глубины.

Но молчи, несравненное право –
Самому выбирать свою смерть,

– писал Николай Гумилёв. Это право было отнято, но мысли о нём нашли отражение в поэзии.

Я хотел бы на шестом десятке
От разрыва сердца умереть...

– предрекал себе Борис Корнилов.

Пророчества о собственной смерти в стихах не осуществились ни у одного, ни у другого поэта.

Николай Гумилёв писал: «Так не умею думать я о смерти...», участвуя в сражениях Первой мировой войны, служа в конной разведке Лейб-Гвардии Уланского полка, ежедневно подвергая себя риску на Восточно-Прусском фронте, он так привык к ощущению опасности, что в письме Лозинскому из Ковно (Каунас, Литва), откуда его перебрасывали на другой фронт, говорил: «...В общем, я могу сказать, что это лучшее время моей жизни. Оно несколько напоминает мои абиссинские эскапады, но менее лирично и волнует гораздо больше. Почти каждый день быть под выстрелами, слышать визг шрапнели, щёлканье винтовок, направленных на тебя, – я думаю, такое наслаждение испытывает закоренелый пьяница перед бутылкой очень старого, крепкого коньяка. Однако бывает и минута затишья – в то же время минута усталости и скуки. Я теперь знаю, что успех зависит совсем не от солдат, солдаты везде одинаковы, а только от стратегических расчётов – а то бы я предложил общее и энергичное наступление, которое одно поднимает дух армии».

Предрекая свою смерть в 53 года, Гумилёв угадал цифры, но не их порядок.

Надо жить до старости, / До славы,

– писал Борис Корнилов.

Не осуществилось. Удивительная судьба у последнего стихотворения, которое запомнил наизусть неизвестный сокамерник Бориса Корнилова и которое мать поэта Таисия Михайловна открыла в 1967 году поэту Валерию Шумилину (1936–2016). Стихотворение называется «Продолжение жизни»:

Я однажды, ребята, замер. / Не от страха, поверьте. Нет.
Затолкнули в одну из камер, / Пошутили: – Мечтай, поэт!
В день допрошен и в ночь допрошен. / На висках леденеет пот.
Я не помню, где мною брошен / Легкомысленный анекдот.
Он звереет, прыщавый парень. / Должен я отвечать ему,
Почему печатал Бухарин / «Соловьику» мою, почему?
Я ответил гадюке тихо: / – Что с тобою мне толковать?
Никогда по тебе «Соловьику» / Не намерена тосковать.
Как прибился я к вам, чекистам? / Что позоришь бумаги лист?
Ох, как веет душком нечистым / От тебя, гражданин чекист!
Я плюю на твои наветы, / На помойную яму лжи.
Есть поэты, будут поэты, / Ты, паскуда, живи, дрожи!
Чуешь разницу между нами? / И бессмертное слово-медь
Над полями, над теремами / Будет песней моей греметь.
Кровь от пули последней, брызги / На поляну, берёзу, мхи...
Вот моё продолжение жизни – / Сочинённые мной стихи.

А смерть Гумилёва стала легендой. Он взял с собой в тюрьму Евангелие и Гомера, и даже чекистов, расстреливавших поэта, потрясло его самообладание, определив его, как «шикарно умер»: «И чего он с контрой связался? Шёл бы к нам, нам такие нужны!»

Но он знал, чувствовал то, о чём сказал в стихотворении о рабочем:

Всё он занят отливанием пули, / Что меня с землёю разлучит.

Голоса потаённой России

Поэтические голоса, спрятанные до поры до времени под замками спецхранов, всегда жили в памяти, в сохранившихся рукописях, в уцелевших сборниках на книжных полках в квартирах их ценителей, они жили, несмотря на то что поэзию их не хотели ни видеть, ни слышать власти. Но жили в сердцах народа, и не случайно слова Бориса Корнилова в песне «Не спи, вставай, кудрявая...», которую абсолютно все пели в Советской стране, называли народными, потому что имя его было под запретом.

А поэты были и остаются выразителями духовной сущности русского народа, описывали народность своими, быть может иными, чем их современники, словами, став «потаёнными субъектами» в истории русской литературы с их глубокими внутренними чувствами. Они видят себя частью узнаваемого окружающего мира в своей творческой жизни.

«Я буду говорить откровенно, – писал Николай Гумилёв, – в жизни пока у меня три заслуги – мои стихи, мои путешествия и эта война. Из них последнюю, которую я ценю меньше всего, с досадной настойчивостью муссирует всё, что есть лучшего в Петербурге. Я не говорю о стихах, они не очень хорошие, и меня хвалят за них больше, чем я заслуживаю, мне досадно за Африку. Когда полтора года тому назад я вернулся из страны Галла, никто не имел терпенья выслушать мои впечатления и приключения до конца. А ведь, правда, всё то, что я выдумал один и для себя одного, ржанье зебр ночью, переправа через крокодилы реки, ссоры и примиренья с медведеобразными вождями посреди пустыни, величавый святой, никогда не видевший белых в своём африканском Ватикане – всё это гораздо значительнее тех работ по ассенизации Европы, которыми сейчас заняты миллионы рядовых обывателей, и я в том числе».

Борис Корнилов по малому возрасту не мог участвовать ни в Первой мировой, ни в гражданской войне, но в стихотворении «Апшеронский полуостров» он заявит о себе: «Я поклонник работы, войны и огня».

И поэтому к теме гражданской войны он обращается в поэме «Триполье», повествуя о трагедии – гибели комсомольского отряда и смерти атамана Зелёного.

*Шли Аронова, / Ратманский / и гармоника за ними / на гражданскую войну.
А война глядит из каждой / тёмной хаты – / я в боях...
Бьёт на выбор, / мучит жаждой / и в колодцы сыплет яд.
Погляди её, брюхату, / что для пули и ножа / хату каждую на хату
поднимает, / зло / визжа.*

В 1934 году на съезде писателей Николай Бухарин объявил Бориса Корнилова надеждой советской лирики, а через два года были репрессированы и Бухарин, и Борис Корнилов. Гибель миллионов крестьян – зажиточных, работающих – считалась советской властью оправданной. А к 90-м годам, с распадом СССР, от самого крестьянского мира не останется и следа. Многие критики видят в поэме торжество коммунистов и комсомольцев, но поэт на самом деле чувствует и понимает трагедию своего народа, трагедию гражданской войны:

*И на каждой лесной версте, / У любого кержачьего скита
Русь, распятая на кресте, / На старинном, / На медном прибита.*

«Замолчи! Нам про это не петь», – останавливает поэт себя, не найдя слов для пронизывающей сердце сути. Но не петь – невозможно, когда

*Ты видишь прижатые уши, / свинячьего глаза свинец,
шатанье слежавшейся туши, / обсосанной лапы конец.*

В сущности, все войны, прошедшие по Русской земле, есть не что иное, как явленное в земном, низшем, плане столкновение сил вышних, наступление тьмы на свет, борьба тленного с вечным, земли с небом. И эту «мистерию духа», это столкновение тёмной, всегда чужой и чуждой силы с вечной Россией – Святой Русью – как некое пророческое предупреждение о будущих битвах необыкновен-

но чутко улавливали и Гумилёв, и Корнилов. Не оттого ли о самых мужественных стихах Гумилёва, то же можно отнести и к стихам Корнилова, Сергей Маковский скажет: «...прикровенный смысл их кажется безнадежно печальным. Отсюда осознание их в поэзии ответственности за каждое слово»¹:

*Снова звёзды пылают и кружатся, / ходят сосны, сопя и трубя,
закрывая глаза от ужаса, / я обманываю себя,
Покачнёмся и скажем: – Что ж это / и к чему же такое всё, /
неужели исхожено, прожито / понапрасну, ни то ни сё? /
Ни ответа, ни тёплой варежки, / чтобы руку пожала нам,
отвернутся от нас товарищи / и посмотрят по сторонам,*

– отмечает Корнилов.

Стихи обоих поэтов побеждают и недоброжелательное слово, и врагов. Сердце интуитивно чувствует священное и прекрасное.

Анна Ахматова писала: «Война была для него эпосом, Гомером, и когда он шёл в тюрьму, то взял с собой “Илиаду”. А путешествия были вообще превыше всего и лекарством от всех недугов. И всё же и в них он как будто теряет веру (временно, конечно). Сколько раз он говорил мне о той “золотой двери”, которая должна открыться перед ним где-то в недрах его блужданий, а когда вернулся в 1913 <году>, признался, что “золотой двери” нет. Это было страшным ударом для него. По моему глубокому убеждению, Г<умилёв> – поэт ещё не прочитанный и по какому-то странному недоразумению оставшийся автором “Капитанов” (1909 г.), которых он сам, к слову сказать, – ненавидел. Разочарование в войне Г<умилев> тоже перенёс, и очень горькое:

*Для чего безобразные трупы
На лугах венценосной весны.*
(«Гондла», 1916)

Борису Корнилову не довелось увидеть Африку в реальности, только в тифозном бреде его герой – художник Добычин – идёт по золотым пескам, а затем встречает сенегальца-красноармейца, а после выздоровления он узнаёт о реальном чернокожем командире красноармейского отряда, погибшем в одном их боёв.

Осмысление пространства России в рамках сакрального её смысла сопровождалось и у Гумилёва, и у Корнилова сближением мотивов духовного странствования и духовного воинствования, где поэт ведёт духовную борьбу с силами «всемирного распада».

Обогащённый внутренним духовным опытом, пройдя войну, поэт обращается к теме России, её православной судьбе:

*Я – угрюмый и упрямый зодчий / Храма, восстающего во мгле.
Я возревновал о славе отчей, / Как на небесах, и на земле.
Сердце будет пламенем палимо / Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима / На полях моей родной страны.*

Борис Корнилов чувствует приближение Великой Отечественной войны:

*Снова звёзды пылают и кружатся, / ходят сосны, сопя и трубя,
закрывая глаза от ужаса, / я обманываю себя.*

Глубоко личностный смысл творчества обоих поэтов перерастает в общечеловеческий. Духовные коллизии звучат многограннее, воплощены более бесстрашно. Творчество поэтов оказалось для нас, читателей, тем духовным сокровищем, которое они искали, создав его своим взволнованным словом.

«Участие России в войнах Европы – это всегда, – как отмечал Е. Н. Трубецкой, – служение общечеловеческому делу культуры, поскольку для неё это освободительные войны, никаких собственных корыстных (захватнических) интересов Россия здесь не имеет». Но, с другой стороны, в этих войнах Россия обретает своё духовное единство и целостность. В этом проявляется особенность

¹ Красников Геннадий. Роковая зацепка за жизнь, или В поисках утраченного неба // gumilev.ru

Н. Гумилев и А. Ахматова

русского национального патриотизма. Россия, – отмечает Трубецкой, – никогда не вдохновляется служением голому национальному интересу. «Чтобы отдаться чувству любви к родине, нам нужно знать, чему она служит, какое дело она делает. И нам нужно верить в святость этого дела, нам нужно сознавать его правоту. Нам нужна цель, которая бы поднимала наше народное дело над национальным эгоизмом»¹.

Оба поэта живут в городе на Неве. В «Заблудившемся трамвае» Гумилёва «загадкой» предстаёт человеческая жизнь, вовлечённая в «бездну времён», вне которых уже и сам поэт:

*В красной рубашке, с лицом как вымя, / Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими, / Здесь в ящике скользком, на самом дне.
...И всё же навеки сердце угрюмо, / И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал, / Что можно так любить и грустить.*

Борис Корнилов созвучен здесь с Гумилёвым, мечтая о «земной красоте»:

*Айда, голубарь, пошевеливай, трогай, / коняга, мой конь вороной!
Все люди – как люди, поедут дорогой, / а мы пронесём стороной...
...Но я поднимаюсь и снова расту, / темнею от моря до моря.
Я вижу земную мою красоту / без битвы, без крови, без горя.*

В духовных исканиях обоим «больно жить», потому что:

*Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет.*

(Н. Гумилёв)

*Не я ли у вас будто был и не был / Вчера и позавчера.
Не я ли прошёл – не берёг, не лелеял? / Не я ли махнул рукой
На то, что зари не нашёл алее?
На то, что девчат не нашёл милее?
И волости – вот такой...*

(Б. Корнилов)

Философское обобщение судьбы, обретшей божественный свет, на вопрос, где я, «сердце стучит в ответ:

*Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет.*

(Гумилёв)

Символично, что и Б. Корнилов видит исход в творчестве, создающем великий образ:

*Я нарисую воздух, / Грозу, / В зелёных молниях орла –
И под грозою / Над орлом, / На звёздах / Чтобы моя любимая была.
Я нарисую так, чтобы слышно было – / Десятый вал прогрохотал у скал,
Чтобы меня любимая любила, / Чтобы знамена ветер полоскал,
Орёл разрушит молний паутину, / И волны хлещут понизу, грубы...
И скажут люди, посмотрев картину, / Что это отражение борьбы,
Что образ мой велик и символичен.*

¹ Трубецкой Е. Н. Отечественная война... С. 394.

Эстетическим и духовным ориентиром и для Гумилёва, и для Корнилова было пушкинское творчество. «Заблудившийся трамвай» – вещь насквозь пушкинская: и отблеск родных стихий «Капитанской дочки», и мощное эхо «Медного всадника». Прощальное признание в смуте сердца и мира, потерянности в миражах и бездорожье исторического «бурана». Создание многоголосое, будто вырывающее у судьбы какую-то весть о гибельном спасении мира. Слово возвращается к утерянному значению, становится «прямой силой», «расковывает косный сон стихий», усиливает контрастность картины, за которой большее – вселенское и родное. Гумилёв не сомневался в несомненном, был бодр и твёрд духом – «жил, писал, любил». Никогда не исчезал и, надо думать, никогда не исчезнет из стихий, слагающих русскую судьбу»¹.

Б. Корнилов и О. Берггольц

Примечательно, что у самого начала творчества Б. Корнилова и в самом конце его пути стоит имя Пушкина, которому он посвятил свои первые стихи, и в конце жизни вновь обратился к творчеству Пушкина, его последние семь стихотворений обращены к поэту, в котором он видел образ собственной судьбы: «Думаю о Вас не об убитом, а всегда о светлом, о живом». Лирика Корнилова в его последние годы жизни самоопределилась в главных качествах: исповеди души и исповеди поколения.

Совпадения двух поэтов в творческом облике, но не в социальном портрете, в зыбкости земного распорядка не зачёркивают их собственную многомерность и значимость в стремлении обозначить дыхание эпохи и движение чувств в отношении земного и небесного. Но вот в социальном плане не сошлись ли бы параллели двух поэтов в крест, прожили они дольше?

Несомненно, что они оба легли бы на полях Великой Отечественной войны рядом с лучшими её защитниками. Но их убили раньше. Простить? Примириться?

22 апреля 2021 года открылся памятник Примирения в Севастополе. Как сказал князь Н. Д. Лобанов-Ростовский: «С этой идеей 10 лет тому назад выступили мы – представители потомков первой волны русской эмиграции за рубежом – руководители Международного совета российских соотечественников: граф Пётр Петрович Шереметев, я, а также тогдашний исполнительный секретарь организации Евгений Семёнович Табачников. Инициатива создания памятника была одобрена Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом как “уместная и своевременная”. Она получила единодушную поддержку и на Всемирных конгрессах российских соотечественников, проживающих за рубежом, и на прошедшем в июне прошлого года 5-м международном Ливадийском гуманитарном форуме, став сильным стимулом единства русского мира».

Трагическая драма 1917–1921 годов (и я бы добавила 1936–1939) потрясла и изменила историческое развитие нашей России и многих государств. Это были горестные годы, большие человеческие потери. Но, выстрадав их, Россия осмысляет сегодня, что без стремления к Примирению и Прощению, к обретению веры не может быть поступательного движения вперёд. Нынешнее наше желание – возрождение России во всей её былой целостности и величии». Главный смысл памятника – примирение всех ныне живущих с историей, разные, порой полярные оценки её не должны приводить к расколу общества. Главный урок, о котором будет напоминать монумент, – это то, что ни одна идеология не может оправдать убийства друг друга.

¹ *Смирнов Вл.* Поэзия Николая Гумилева // hajam2narod.ru